

- остро ощущается девиантность в области номинации. Предикаты почти всегда конкретизированы по смыслу, этому способствует их довольно широкая парадигма, поэтому они не выступают как ДРЕ. Другую причину отсутствия девиантных предикатов можно найти в современных работах нейрофизиологов в области зеркальных нейронов;
- ДРЕ часто являются смысловыми доминантами новостных анонсов;
- в целом группа реципиентов способна обнаружить почти все девиантные единицы в текстах, однако возможности отдельно 2. личности значительно ограничены, один человек в среднем отмечает менее трет девиаций. При этом лучше ощущаются недостаточные речевые единицы – почти половиной читателей, хуже избыточные – менее трети читателей, совсем сложно обнаружить несочетаемые – лишь каждый шестой замечает их. Эллиптичность смысла текста (недостаточные ДРЕ) ощущается из-за функционирования в нем малоизвестных аббревиатур и неологизмов, которые привлекают внимание аудитории. Использование полисемантических слов (самый распространенный способ создания избыточных ДРЕ) усложняет понимание только в том случае, если читатель догадался о скрытом смысле или игре слов. Сложности восприятия несочетаемых ДРЕ можно объяснить тем, что такие речевые единицы ориентированы на парадоксальное мышление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Graesser A. C. Constructing Inferences and Relations during Text Comprehension / Arthur C. Graesser, Peter Wiemer-Hastings, Katja Wiemer-Hastings // Text representation: linguistic and psycholinguistic aspects. – Amsterdam / Philadelphia: Benjamins, 2001. – P.21–26.
2. Акімова Н. В. Влияние специфики язы-

ка интернета на появление избыточных для однозначного понимания речевых единиц (на примере текстов российских сайтов новостей) / Н. В. Акімова // Лінгвістика. Зб. наук. праць. – Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2013. – №1 (28). – С. 118-125.

3. Акімова Н. В. Влияние особенностей языка интернета на вариативность интерпретации текстов российских сайтов новостей / Н. В. Акімова // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – С. 3-7.

4. Акімова Н. В. Вплив специфіки мови інтернету на появу недостатків для однозначного розуміння мовленнєвих одиниць (на прикладі текстів українських сайтів новин) / Н. В. Акімова // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2013. – №56. – С.157-159.

5. Акімова Н. В. Про лінгвістичні механізми виникнення варіативності розуміння тексту / Н. В. Акімова // Лінгвістика. Зб. наук. праць. – Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2012. – №3 (27). – Ч. II. – С. 88-95.

6. Ким Л. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование : автореф. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Л. Г. Ким. – Кемерово, 2010. – 50 с.

7. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка): автореф. дисс. ... д-ра филологич. наук: спец. 10.02.19 – «Теория языка», 10.02.04 «Германские языки» / А. В. Ленец. – Ростов-на-Дону. – 2010. – 42 с.

8. Садченко В.Т. Вторичный семиозис в художественном тексте : автореф. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10.02.01 – «Русский язык» / В.Т. Садченко. – Владивосток, 2009. – 38 с.

УДК 81.371

И. А. Герасименко

СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ЦВЕТА В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

І.А. ГЕРАСИМЕНКО. ЗАСОБИ ЕКСПЛІКАЦІЇ КОЛЬОРУ В МОВІ РОСІЙСЬКОГО ФОЛЬКЛОРУ.

Кольоропозначення як частина лексичної системи російської мови традиційно вважаються структурно-компактною, відносно закритою групою слів, що легко виокремлюється із загальної кількості ад'єктивів. Це зумовлено обмеженням списком зазначених одиниць, який складається, за останніми підрахунками, приблизно з 1300 загальноживаних назв, що зареєстровані в лексикографічних джерелах, і діалектних та архаїчних слів, що зафіксовані в наукових словниках й авторитетних літературних контекстах. Однак матеріал дослідження свідчить про те, що

для відображення кольору в мові фольклору використовується невелика кількість одиниць (за нашими спостереженнями 43 кольоропозначення та 34 лексеми з кольороосновами). У статті розглянуто лексичні засоби експлікації кольору в народнопоетичній творчості, проаналізовано структурно-семантичні групи кольоропозначень. До кольоропозначень ми відносимо прикметники, що позначають конкретні й неконкретні кольори та що функціонують як самостійні (прості, складні) лексеми, а також як складові описових конструкцій із компонентами *цвет / цвета*. Мета статті – надати групи кольоропозначень, за допомогою яких есплікується колір в народнопоетичному мовленні. Матеріалом дослідження послуговували приклади зі збірників російських частушок, былин, казок, творів народної прози, поезії та драматургії об'ємом 1959 текстових фрагментів.

Ключеві слова: кольоропозначення, мова народнопоетичної творчості, фольклор, експлікація кольору, колорооснова.

И. А. ГЕРАСИМЕНКО. СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ЦВЕТА В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА.

Цветообозначения как часть лексической системы русского языка традиционно считаются достаточно компактной и легко выделяемой группой лексических единиц. Это обусловлено ограниченным списком данных единиц, состоящий, по последним данным, из около 1300 общеупотребительных, зарегистрированных в лексикографических источниках, названий и диалектных и архаичных слов, зафиксированных в словарях и авторитетных литературных контекстах. Однако материал исследования показывает, что для отображения цвета в языке фольклора используется значительно меньше таких единиц (по нашим подсчётам 43 ЦО и 34 лексеми с цветоосновами). В статье рассмотрены лексические средства экспликации цвета в языке народнопоэтического творчества, проанализированы структурно-семантические группы цветообозначений. К цветообозначениям мы относим имена прилагательные, которые обозначают конкретные и неконкретные цвета и которые функционируют как самостоятельные (простые, сложные) лексеми, а также как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет / цвета*. Цель статьи – представить группы ЦО, с помощью которых эксплицируется цвет в народнопоэтической речи. Материалом исследования послужили примеры из сборников русских частушек, былин, сказок, произведений народной прозы, поэзии и драматургии в объёме около 1950 текстовых фрагментов.

Ключевые слова: цветообозначение, язык народнопоэтического творчества, фольклор, экспликация цвета, цветооснова.

I. A. GERASIMENKO. MEANS OF COLOUR EXPLICATION IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN FOLKLORE

Colour terms as part of the Russian language lexical system are traditionally considered to be rather compact and easily singled out group of lexical units. It is conditioned by a restricted list of the given units which consists, according to the latest data, of about 1300 commonly used, registered in dictionaries naming units, and, dialectic, archaic words fixed in lexicographical sources and authoritative literature contexts. However, there search material shows that much less units (according to our calculations – 43 CT and 34 lexemes with colour stems) are used to represent colour in the language of folklore. The article studies lexical means of colour explication in the language of folklore, analyzes structural-semantic groups of colour terms. To colour terms we refer adjectives which mean specific and non-specific colours, and which function as independent (simple, complex) lexemes, as well as parts of descriptive constructions with the component colour / of the colour. The aim of the article is to represent the CT groups which help to explicate the colour in folklore. The research material includes the examples from the selections of Russian chastushki, byliny, fairy tales, folk prose, poetry and drama, and numbers about 1950 text fragments.

Key words: colour term, the language of folklore, colour explication, colour stem.

В устном народном творчестве «язык сохраняет многое от доисторической старины» [2, с. 76]. Его единицы (в том числе и цветообозначения – ЦО) вербализуют, кроме собственно идеи цвета, смыслы, связанные с историей народа, его бытом, обычаями, традициями, ментальностью – профанной, сакральной, мифопоэтической. Не случайно Н. Д. Арутюнова заключает, что «простота – это истоки, начала, элементы,

аксиомы. Их место – в глубине. В них записан генетический код явления, его судьба» [1, с. XI].

Исследованию в языке фольклора семантики ЦО, под которыми мы понимаем имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные) лексеми и как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет / цвета*, посвящено

достаточно большое количество работ. Учёные (например, А. Т. Хроленко, Т. Е. Никулина, Л. Раденкович, О. А. Черепанова, С. В. Супряга, О. И. Уляшев, Е. В. Гулянков, О. А. Мещерякова, Т. А. Павлюченкова, О. А. Петренко и др.) констатируют, что ЦО, являясь практически неизменными канонизированными образцами пласта народнопоэтической речи, заключают в себе те значения, которые издревле имели. Однако, несмотря на наличие исследований, направленных на выделение в текстах разножанрового фольклора присущих ЦО значений, единицы, отображающие «цветовые» знания, недостаточно изучены. Цель статьи – представить группы ЦО, с помощью которых эксплицируется цвет в народнопоэтической речи. Материалом исследования послужили примеры из сборников русских частушек, былин, сказок, произведений народной прозы, поэзии и драматургии в объёме около 1950 текстовых фрагментов.

Традиционно ЦО считаются достаточно компактной и легко выделяемой группой лексических единиц. По последним данным, в ЦО русского языка входят около 1300 общеупотребительных, зарегистрированных в лексикографических источниках, названий и диалектных и архаичных слов, зафиксированных в словарях и авторитетных литературных контекстах. Однако материал исследования показывает, что для отображения цвета в языке фольклора используется значительно меньше таких единиц (по нашим подсчётам 43 ЦО и 34 лексемы с цветоосновами). В первую очередь, это 1) 28 прилагательных с основной цветовой номинацией (*белый, чёрный, красный, синий, зелёный, серый, седой, сивый, сизый, голубой, жёлтый, червонный, червчатый, черемной, русый, рыжий, румяный, алый, бурый, вороной, карий, гнедой, соловый, пегий, чалый, саврасый, каурый, буланный*) и 2) 11 слов с производной цветовой номинацией (*золотой, серебряный, розовый, вишнёвый, кориичневый, багрецовый, бирюзовый, кумачовый, небесный, лазоревый, бордовый*).

Как правило, на контекстуальную семантику данных ЦО не влияют жанрово-тематические черты фольклорных текстов. Это объясняется уже существующим применительно к ЦО положением, согласно которому «лишь в очень редких случаях разница в составе рассматриваемой ЛСГ может быть обусловлена [...] жанрово-тематическими особенностями произведения» и что «семантическая структура исследуемых лексических единиц во всех сравниваемых фольклорных жанрах в основе своей одина» [8, с. 8–9]. Своеобразием народнопоэтического слова (в том числе и ЦО) является диффузность его семантики, нередко осложнённая «фольклорной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями» [8, с. 6]. Например, ЦО *белый* в языке устного народного творчества ос-

мысливается не только как средство экспликации белого цвета, но и оценочных лингвокультурных созначений ‘чистый’, ‘лучший’, ‘парадный’. Ср.: *А ты не стой, не стой под крутой горой / В белом платье с голубой каймой* [20, с. 300]; *Рубашка бела, зуб налево – / Я в него влюбилась* [20, с. 334]; *Я надена кофту белу / И зелёный сарафан* [20, с. 337]; *Утирай, милашка, слёзы, / Беленьким передничком* [20, с. 400]; *Умывается Добрынюшка беленько, / Утирался в тонко бело полотно* [16, с. 299]. Одновременная реализация нескольких, кроме цветового, значений у данного ЦО отвечает отмеченной выше семантической диффузности фольклорного слова, специфическим свойствам ЦО отображать в своей семантике номинацию и оценку, реальное и символическое.

Однако данные (1) и (2) группы ЦО составляют лишь часть тех вербальных средств цвета, которые используются в народнопоэтической речи. Этот список представляют также 4 ЦО в составе описательных конструкций с компонентом *цвет* (3), которые функционируют как устойчивые сочетания (*алый цвет, как маков цвет, лазорев цвет, лиловый цвет*. Ср.: *Алый цвет по лицу расстиляется, белый пух по груди рассыпается* [12, с. 611] и *А в том-то царстве, в том-то государстве, – говорил он, – живёт Елена-царевна Прекрасная – невиданной красоты; алый цвет у ней по лицу рассыпается, белый пух по груди расстиляется [...]* [19 (2), с. 233]; *как маков цвет* (народно-поэт.) ‘цвет лица, подобный ярко-красному маку’ [21, с. 687] и *А бывало, девушки да молоды вдовицу сбегутся весной в хоровод в белых кисейных рукавах да в стандуплевых или штофных сарафанах, как лазорев или маков цвет, лобо посмотреть* [14, с. 423]. Данная структурная модель, зафиксированная в составе фольклорных текстов, хотя и не относится к числу продуктивных и частотных, однако способствует увеличению «возможности для цветового творчества» [7, с. 128]. Между тем такие блоки цветохарактеристик не являются единственными в языке русского фольклора, за счёт которых передаётся идея цвета. Имеют место и другие структурно-семантические группы, в числе которых сложные слова.

Вследствие наличия широкого арсенала лексико-морфологических средств русского языка этот способ стал «продуктивным путём создания» данного пласта лексики [3, с. 30], который используются и в составе народнопоэтических выражений (по нашим данным, 34 единицы). Ср.: *Цветочки мои / Бело-розовые!* [20, с. 303]; *Постланы мосты да все кирпичными, / Сыпаны пески да рудожёлтыи* [16, с. 201]; [...] *её белое, нежное лицо, чёрные брови, карие глаза, тёмно-русые волосы вились по плечам* [19 (2), с. 537]; [...] *едет Пугачёв верхом на светло-жёлтом коне* [14, с. 238]; *Как пошёл Садко к Ильмень-*

озеру, / Садился на бел-горюч камень / И начал играть в гуселки яровчатые [18, с. 240]; Я займу, займу палаты белокаменны, / Только я пишу в палаты белокаменны – / Опраксеюшку возьму всё Королевичну [11, с. 150]; Я ль виноват, что тебя, черноокою, / Больше, чем душу люблю [15, с. 83]. Указанные лексемы, присутствуя в разнообразных контекстах народного творчества, используются для создания поэтического образа. Поэтому референтная отнесённость данных единиц совмещена с символическим и оценочным содержанием. И хотя такие лексемы «являются в основной своей массе редкоупотребляемыми словами» [5, с. 123], всё же они увеличивают «возможности выражения цвета в десятки раз» [3, с. 110].

Для обозначения цветовых свойств реалий внешнего мира в народнопоэтической речи используются не только лексемы, содержащие «указание на цвет в собственном смысле» [9, с. 21], но и слова с неконкретным спектральным значением. В их число входят адъективы, обозначающие (1) тон, яркость, степень насыщенности цвета, интенсивность окраски, наличие или отсутствие цвета (*тёмный, полутёмный, светлый, ясный, бледный*); (2) смешанные цвета (*цветной, рябой, пёстрый*). Спектральный компонент, даже не конкретизированный, присутствует в структуре значения таких вербальных знаков.

При этом слова (1) не принято относить к ЦО, так как считается, что они «не передают значения цвета» [4, с. 104] и, соответственно, входят в другие ЛСГ. Однако очевидным является тот факт, что такие лексемы имеют неконкретное спектральное значение. Более того, в определённых контекстах они наделяются угадываемой семьей цвета. Так, прилагательные *тёмный, полутёмный, светлый, ясный, бледный* и под. осмысливаются в рамках семантики, близкой к ‘чёрный’, ‘серый’, ‘сизый’. Ср.: *Теперь за тёмны леса да закатилося, / Только оставался млад светел месяц* [11, с. 225]; *За облака звезда закатилася, / Что от светлого месяца* [18, с. 151]; *Мать всё плакала, сделалась полутёмной, старой, дряхлой* [19 (1), с. 488]; [...] *на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать* [18, с. 269–270]; *Я из сада выходила / Не румяна, бледная* [20, с. 432]. Как справедливо считает В. К. Харченко, «было бы насилием над материалом и сознанием [...] проводить демаркационные линии между цветовым корпусом картотеки и её «световой» частью» [10, с. 4].

В названиях, передающих смешанные цвета (2), некоторые учёные склонны относить к ЦО (см., например: [4, с. 112; 6, с. 224]), содержится информация об их «цветовой неоднородности» [7, с. 177]. Так, слово *цветной* закреплено за значением ‘неодноцветный’, *рябой* – ‘с пятна-

ми другого цвета’, *пёстрый* – ‘покрытый разноцветными пятнами’. Например: *Весной в цветном платице, зимой – в белом сарафане* (лиственный лес) [17, с. 33]; *Рябая курица под плетнём дуется* (арбуз) [17, с. 66]. Как видим, данные адъективы в определённом лексемном окружении получают сему цвета, наделяются значениями, закреплёнными за ЦО. При этом в загадках, отображающих первобытную мифическую символизацию, ЦО указывают на признаковые сходства описываемых реалий. Поэтому их “цветовая” семантика направлена на объяснение этих реалий и их свойств.

Итак, цвет в русской народнопоэтической речи эксплицируется с помощью разных групп ЦО. При этом адъективы с основной и производной цветовой номинацией, прилагательные с неконкретным спектральным значением, а также сложные слова с цветоосновами и описательные конструкции с компонентом *цвет* могут иметь как разветвлённую семантику с широкими сочетаемостными возможностями, так и являться нечастотными и моносемантическими единицами. Особый интерес представляют полисемантические средства вербализации цвета, используемые в народнопоэтических текстах. Именно структуре значения таких лексем и будут посвящены наши дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с., 1 илл.
2. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : [в 2 т.] / Ф. И. Буслаев. – Т. 1. – СПб., 1861. – 714 с.
3. Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.; под общ. ред. А. П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.
4. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) / С. В. Кезина. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. – 304 с.
5. Краснянский В. В. Сложные цветообозначения русской речи / В. В. Краснянский // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / [сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва]. – М.: Индрик, 2001. – С. 119–130.
6. Кулько О. И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе / О. И. Кулько // Русская и сопоставительная филология : состояние и перспективы : труды и материалы междунауч. научн. конф., 4–6 окт. 2004 г., Казань / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 224–225.
7. Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ / Отв.

ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.

8. Никулина Т. Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора : автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. Е. Никулина. – М., 1989. – 16 с.

9. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1984. – 175 с. – (АН СССР ; Ин-т языкознания).

10. Харченко В. К. Словарь цвета : реальное, потенциальное, авторское : свыше 4000 слов в 8000 контекстах / В. К. Харченко. – М. : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2009. – 532 с.

ИСТОЧНИКИ

11. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. – М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с.

12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 1981. – 699 с.

13. Малые жанры русского фольклора : хрестоматия : [учеб. пособие для филол. спец. вузов / сост. В. Н. Морохин]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 399 с.

14. Народная проза / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. – М.: Русская книга, 1992. – 608 с.

15. Народный театр / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Некрыловой А. Ф., Савушкиной Н. И.]. – М.: Сов. Россия, 1991. – 544 с.

16. Онежские былины : [в 3-х т.]. / [записанные А. Ф. Гильфердингом]. – Изд. 4-е. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 2. – 1950. – 811 с.; Т. 3. – 1951. – 670 с. (АН СССР ; Ин-т рус. лит-ры).

17. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / [сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов. Круглов Ю. Г.]. – М.: Просвещение, 1990. – 335 с.

18. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М.: Худож. лит., 1986. – 367 с.

19. Сказки : [в 3-х кн.]. / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г.]. – М.: Сов. Россия, 1988. – Кн. 1. – 1988. – 544 с.; Кн. 2. – 1989. – 576 с.; Кн. 3. – 1989. – 624 с.

20. Частушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. – М.: Сов. Россия, 1990. – 656 с.

21. Фразеологический словарь русского литературного языка / [сост. А. И. Федоров]. – М.: ООО «Фирма Издательство АСТ», 2001. – 720 с.

УДК 811.161.1'42

Н.В. Ермакова

ОСОБЕННОСТИ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ

«ДЕВИЧИЙ АЛЬБОМ»

Н.В. ЕРМАКОВА. ОСОБЕННОСТИ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «ДЕВИЧИЙ АЛЬБОМ».

Статья посвящена анализу креолизованного пространства речевого гипержанра «девичий альбом». Рассматриваются две основные группы таких текстов: с частичной и полной креолизацией. На примере альбомных жанров показано, что паралингвистические элементы альбома способствуют усилению экспрессии, имеют разный уровень передачи семантического кода. Иконические элементы являются дополнительным каналом общения: дополняют, уточняют, расширяют авторские интенции. В результате автор приходит к выводу, что креолизованный текст выступает обязательным признаком альбомного жанра.

Ключевые слова: девичий альбом, жанр, креолизованный текст, вербальный компонент, иконичный элемент.

Н.В. ЄРМАКОВА. ОСОБЛИВОСТІ КРЕОЛІЗОВАНИХ ТЕКСТІВ У МОВЛЕННЄВОМУ ЖАНРІ «ДІВОЧИЙ АЛЬБОМ».

Стаття присвячена аналізу креолізованого простору мовного гипержанру «дівочий альбом». Розглядаються дві основні групи таких текстів: з частковою і повною креолізацією. На прикладі альбомних жанрів показано, що паралінгвістичні елементи альбому сприяють посиленню експресії, мають різний рівень передачі семантичного коду. Іконічні елементи є додатковим каналом спілкування: доповнюють, уточнюють, розширюють авторські інтенції. В результаті автор приходиться до висновку, що креолізований текст виступає обов'язковою ознакою альбомного жанру.

© Н.В. Ермакова, 2014